

Который уж год подряд новый роман Пелевина появляется в августе. Издательство за месяц интриговало читательниц сакраментальной датой — 27 августа 2020 года, скрывая за завесом тайны название романа. И вот 27 августа «солнце» Виктора Олеговича осветило прилавки и Дома книги, и «Буквоеда», и даже «Книжной лавки писателей» в Петербурге, не говоря уже о многочисленных его лучах в интернете. «Пухленькое» такое солнце, аж на тридцати семи печатных листах (вместо обычных для его романов от 18 до 20). Так на то оно и солнце, звезда (!), а не какая-то планетка Маленького принца. Похоже, режим самоизоляции в период пандемии не позволял автору далеко отходить от компьютера. Но для любителей творчества В. Пелевина (я полагаю, что в большинстве своём — это всё-таки женщины) чем больше полос, тем лучше: тем дольше продлится удовольствие от встречи с любимым писателем, такой редкой встречи — «один раз в год сады цветут, слова любви...». Да, героинями романов В. Пелевина частенько становятся женщины, причём автор настолько ими покорён, что не только поднимает на недостижимую высоту, но порой даже *обожествляет*, правда, к сожалению, его богини зачастую из животного мира. Но всё же *богини!* А что на этот раз?

— 1 —

Саша Орлова предстаёт перед читателями в день своего тридцатилетия. Тридцатилетняя женщина XXI века — это отнюдь не угасающая в начале романа бальзаковская Жюли с ненавистным мужем и нелюбимым из-за этого ребёнком. Своё тридцатилетие Саша решает встретить пробегом на мотоцикле, «разогнаться на трассе к Домодедово. Промчать, так сказать, по символической взлётной. (...) Отличный повод задуматься, что же со мной происходит — и почему вместо прямой как стрела взлётной полосы в свои тридцать лет Саша Орлова едет в пробке по кольцу, лавируя между не особо симпатичными мужскими харями» (с. 8–10). По сравнению с Татьяной, героиней романа В. Пелевина 2018 года («Тайные виды на гору Фудзи») в возрасте «второй свежести»,

ставшей в конце романа «Матерью мира», Саша предусмотрительно задумывается о будущем пораньше.

«Тридцатник для девушки это круто. Скажем так: ты не то чтобы прямо полностью “выпадаешь из педофильского поля охоты” (...), но некоторые симптомы наблюдаются. Думаю, их чувствует любая. Особенно, как было подмечено, в патриархальной стране третьего мира, где девочек с детства учат осознавать свою товарную ценность (потому что другой у них просто нет) и бессознательно конкурировать с подругами за воображаемого самца даже на женской зоне» (стр. 10). Вот и начинается создание образа России как страны *третьего мира* под главенством патриархии, в котором девочки должны осознавать с раннего детства свою «товарную ценность» и конкурировать с себе подобными за «самца». Самцы, по мнению автора, «постоянно принимают женские молочные железы за гири в спортзале» (стр. 14), а мужчина (оказывается, в патриархии бывают и мужчины! — Т. Л.) — «способен на вежливость и заботу только на своём гормональном пике — стоит ему пару раз стравить давление — и в нём просыпается свинья. Воспитанный самец просто лучше и дольше маскирует свою хрюшу, но это симпатичное животное всегда на месте» (стр. 16). Правда, героиня романа, оглядываясь на свой опыт, констатирует, что к этому возрасту женщина становится уже умной: «Один сильно взрослый человек сказал мне в своё время интересную вещь: мужчина платит не за секс. Мужчина платит за то, чтобы после секса женщина быстро оделась и ушла. Вынесем шовинизм за скобки этой тестостероновой мудрости и получим, увы, голую правду. Ты для него то остро необходимая дырочка, то слегка обременительная дурочка, своего рода сумка с кирпичами, к которой его привязывает порядочность или привычка» (стр. 16–17). Но и своим наклонностям Саша Орлова пытается дать объективную оценку: «Я, к сожалению, не лесбиянка. Вернее, не полная лесбиянка. Вернее, как сказал Веничка Ерофеев, полная, но не окончательная» (стр. 15).

В первом приближении на этих страницах уже очерчен круг проблем, которые будут обсуждаться в первой части романа «Маски Каракаллы», то есть взаимоотношения мужчин и женщин, независимо от того, в масках они или без оных, в том числе и животрепещущий в наши дни вопрос о свободе выбора пола. Попутно Пелевин коснётся ряда проблем современной России, например, семьи. Родители Саши весьма благополучны: у отца — «макаронного короля» — вторая семья, у матери тоже, причём отец обеспечивает и свою первую жену и «даёт достаточно» на Сашу, чтобы

она могла не работать: говоря на языке финансистов, — а Пелевину и этот язык доступен, — «не актив, а обязательство» (стр. 26). Отец не только выполняет своё «обязательство», но даже инициативно навещает дочь в день тридцатилетия и вручает ей деньги на путешествие, чтобы отвлечь её от пустых занятий, поскольку её засосало «в какое-то мелкое болото» — написания декораций или, например, она говорит, что может сшить отцу пальтишко, неотличимое от пальто Чичваркина. И Пелевин мимоходом напоминает эпизод из истории России XXI века: «Приедешь в таком к партийному руководству на блины, а через неделю мирно переедешь с семьёй в Лондон». Об уголовном деле против Чичваркина, возбуждённом СК, автор умалчивает, вероятно, считая, что это современникам известно, а будущие историки России прочитают между строк.

Саша прошла к тридцати годам «метания» по всевозможным духовным практикам — «йогу, трансерфинг, майндфулнес, сурфийский танец, дзочен и что-то ещё кратчайшее и окончательнейшее из тибетской давки» (стр. 35) — и констатирует, что она «... действительно, не верит ни во что. Наша духовная подписка подразумевает, конечно, существование вечных истин, но мудро оставляет их в тумане. (...) Я не верю, а подписана вместе со всеми продвинутыми молодыми индивидуумами. На что? На продвинутость. (...) Вот, например, насчёт того, что наш мир — это симуляция. Я и правда склоняюсь к такой мысли» (стр. 69). Видимо, поэтому она — творческая личность — работает над декорациями к балету «Кот Шрёдингера и бабочка Чжуан-Цзы в зарослях Травы забвения». Для непосвящённых: Эрвин Шрёдингер — физик-теоретик, один из создателей квантовой теории, придумавший мысленный эксперимент с котом в металлическом ящике, в соответствии с которым кот может быть *одновременно* и живым, и мёртвым, аналогично дуализму ядра атома, одновременно распавшемуся и не распавшемуся. Но если физику-теоретику очевидно, что законы микромира нельзя переносить в макромир, то для Пелевина с его необузданной фантазией при бесконечно широком кругозоре законов не существует. Его герои и героини могут перемещаться не только во времени и пространстве, спускаться или подниматься по лестницам, висящим в воздухе, перемещаться без машины времени в древние века, превращаться то в одного, то в другого персонажа из истории древнего мира, танцевать перед божеством и даже... разрушать мир и создавать его заново. Всё это неоднократно демонстрируется на страницах романа, причём весьма увлекательно.

Что же касается бабочки Чжуан-Цзы, то китайскому мудрецу приснилось, что это он превратился в неё, а, пробудившись ото сна, мудрец не может решить для себя вопрос, «кто же кому приснился, бабочке мудрец, или мудрецу бабочка?». Ответ на этот вопрос волновал В. Пелевина и в предыдущих романах. Остаётся только пожалеть, что, придумав столь остроумное сатирическое название, Виктор Олегович не вставил в роман либретто балета. А интересно было бы познакомиться. Может быть, это намёк на роман будущего года? *Qui vivra, verra.*

Но вернёмся к семье Саши. «Макаронный король» считает все размышления о жизни пустым времяпрепровождением: «Жизнь — это то, что ты делаешь с миром, а мир делает с тобой. Типа как секс. А если ты отходишь в сторону и начинаешь про это думать, исчезает сам предмет размышлений. На месте жизни остаётся пустота. (...) Про жизнь бесполезно думать. Жизнь можно только жить» (стр. 29). Отец твёрдо стоит на финансово-материалистической основе, а дочь воспринимает мир как симуляцию. Два поколения — опять неистощимая проблема отцов и детей. Неожиданный, кстати, вывод для Пелевина, во многих романах которого герои постоянно размышляют о жизни и ищут истину только в духовном мире. Автор, разоблачавший мало-помалу и христианство, разочаровавшийся в буддизме, возвращается из мира виртуального в мир реальный? Посмотрим, что он сообщит нам дальше, не на следующих страницах, а в романе 2021 года.

Несколько слов об окружении «поумневшей» к «тридцатнику» Саши. Она трезво оценивает своего бой-френда Антошу: «...во время долгой галлюциногенной сессии он произнёс замечательную фразу: “Мне вообще не важно, чем заниматься, лишь бы с кровати не вставать...”» (стр. 29). Тем не менее, он чем-то занимается иногда: то пишет музыку, то роман, состоящий из одних газетных заголовков, или переписывает на современный лад сказку про царевну-лягушку, правда, у Антоши она не царевна, а просто квакушка. Надо воздать должное Виктору Пелевину — сатирику, издевается он над современными деятелями культуры от души. В лучших традициях постмодернизма от имени Антоши он излагает сказку, назвав её — «Сказкой острова Шикотан»:

Но лягушка отпрыгнет под лавку,
Запыляет кострами фэйсбук,
И психолог напишет ей справку,
Что она настрадалась от мук.

И попросит юриста лягушка
Всё моё на неё записать,
Потому что я мял её брюшко,
Регулярно мешая ей спать. (Стр. 76–77).

Полагаю, что благодаря СМИ прототипы «лягушки» в наши дни общеизвестны, причём не только в Америке, но увы! и в России. Трудно не согласиться с Антошей, что он на этот раз создал нечто «вполне гениальное», во всяком случае, как частенько у Пелевина, весьма и весьма остроумное. Более того, Саша позаимствовала у Антоши и манеру письма. Каждый рассказ она заканчивает текстовым эмодзи¹. Например, приняв требование отца о путешествии «незнамо куда», она резюмирует: *«Эмодзи_привлекательной_блондинки_с_толстым_мешком_золота_в_руке_презрительно_разглядывающей_небольшой_затасканый_земной_шар. png* (стр. 84). В отличие от В. Пелевина художественный редактор романа А. Дурасов не смог передать всё многообразие смыслов этого и других многочисленных текстовых эмодзи соответствующими смайлами.

Ориентируясь на всевозможные знаки, посылаемые Саше богами (во время предыдущей поездки на Аруначалу² ей удалось установить контакт с Шивой), она начинает своё путешествие со Стамбула. Айя-София. Кто бы сомневался, чтобы Пелевин обошёл вниманием решение Эрдогана от 10.07.2020 году о превращении музея православия в действующую мечеть! Интересно узнать, как Виктор Олегович это мог предвидеть, — в это время роман должен был уже печататься в типографии. Тоже Шива послал знак?

Именно в Айя-Софии героиня романа знакомится с русской женщиной Софьей (Со), вышедшей замуж за американца, и её семьёй. Они путешествуют по миру на собственной яхте «Аврора» (AUroга), в названии которой подчёркнут символ золота из таблицы Менделеева. Вот с этой встречи и развивается фантастическо-детективный сюжет, в котором будет всё — от встречи с очередным бой-френдом, Фрэнком, историком и на сей раз американцем, пытающимся перевоплотиться в Каракаллу, убитого римского императора; контактов с разными людьми от американских нео-

¹ **Эмодзи** (emoji или эмоджи) — это текстовые или графические смайлики и символы, которые используются вместо слов для передачи эмоций, настроения или какого-то смысла в сообщениях и на сайтах. *Интернет*.

² **Аруначала** (англ. Arunachala) — священный холм в Индии, одно из пяти основных мест паломничества для последователей шиваизма.

анархистов, до турецкого историка; от слежки до ритуального убийства Фрэнка; от мистической истории чёрного камня — создателя мира; о культе Элагабала³ и превращении Саши под маской солнца в Вария Авита со сменой пола, до её встречи с соотечественниками, в частности с Алексеем — «шестнадцатым референтом по идеологии у кого-то», невыездным из-за событий на Украине, кроме Турции, захавшим в Стамбул отдохнуть после какой-то конференции по Евразии. В этом красочном информационном калейдоскопе, написанном в лучших традициях детективного жанра, умело переплетены события древнего мира с современностью. Пелевин старается не упустить ни одной детали и дать оценку всему происходящему в мире: история, политика, культура.

«Современная американская культура — это корпоративный хамелеон, для которого не то что нет ничего святого, для него святым на пятнадцать минут может стать что угодно» (стр. 114). Эти слова произносит *американка*, дочь Со — Сара. «Вся наша (российская — *Т.Л.*) история — это такой обгорелый подвал с трупами, генотип нонстоп, на который время от времени приходит помочиться какой-нибудь маркиз де Кюстин⁴ (...) Россией со времён Орды правят организаторы и бенефициары этих трупоподвалов. И больше всего они хотят с маркизом де Кюстином дружить. (...) даже слово “slave”, раб, происходит от латинского “славянин”. (...) Мы были неграми до того, как это стало модно — славянские рабы котировались в Западной Европе так же высоко, как сегодня русские жёны. (...) Современный американский негр (Пелевин не боится быть «неполиткорректным» — *Т.Л.*) — это высокопривилегированное существо по сравнению с белым русским». (Стр. 313–314). Алексей цитирует якобы американское определение политкорректности: «...это фашизм, выдающий себя за хорошие манеры» (стр. 316), но думается мне, что это афоризм самого Виктора Олеговича.

Нельзя не подчеркнуть место, выделенное Пелевиным, для советника по идеологии — оно шестнадцатое! Ещё бы! В 13-й статье Конституции РФ 1993 года прямо говорится: «1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Что же касается поправки к Конституции РФ 2020 года — «*Российская Федерация, объединённая тысяче-*

³ Римский император, принявший имя бога Элагабала, правил четыре года и запомнился любовными связями с мужчинами, грандиозными пирами и развратом. *Интернет*.

⁴ Маркиз Астольф де Кюстин, автор книги «Россия в 1839 году».

летней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога ...», — то нужно констатировать, что таких высот не достигал по сравнению с депутатами Государственной думы даже взлёт фантазии В.О. Пелевина.

Продолжая излагать взгляды Алексея о «банде упырей», которые, по его мнению, как и раньше коммунисты, *захватили* власть в России, перейдём к глобализму: «Есть примерно настолько же легитимная мировая элита — такие же дебило-упыри, которые неудержимо печатают бабки за кордоном — из десяти авианосных групп и сосут кровь у всей Земли (...) Главный источник мирового зла — корпоративные медиа и Голливуд. Фабрики, формирующие реальность. Там создают миф, в котором мы живём. Так что это не просто главный источник зла — это его единственный легитимный источник на планете. Ни у кого больше нет ни права, ни возможности назначать вещи добром или злом. Это даже важнее, чем печатать доллары» (стр. 319). *Ни у кого?* Неужели?! Вот у Виктора Олеговича Пелевина это право есть, за что его произведения всегда так интересно и так *полезно* читать, даже несмотря на его стремление превзойти Д. Быкова по объёму этого романа.

Не забывает В. Пелевин в продолжение своего романа «Generation p» упомянуть и о поколении «милленипутов»: «Те, кто вырос, повзрослел и начал увядать при Путине» (стр. 321). Вот, например, Антоша в романе из газетных заголовков с названием «Не кличь судьбину» так предвидит судьбу нашей страны: «Россия будет слабеть, блуждая в аравийских песках и европейских трибуналах, начнётся кризис, а потом некая партия, первоначально организованная властями *для политической клоунады* (курсив мой — Т.Л.), сметёт тирана со всей его кликой (имеются в виду сетевые опричники), и начнётся золотой русский век». С наличием партии «политической клоунады» трудно не согласиться, боюсь, что она не единственная, а вот что касается *такого* золотого века, то это, разумеется, утопия Антоши, увы!

— 2 —

Вторая часть романа «Sol invictus» дала название и всему роману «Непобедимое солнце». После ритуального убийства Фрэнка, повторившего несколько веков спустя судьбу Каракаллы, Со и её муж Тим, на яхте которых и находится похищенный ими магический чёрный камень, именно на Сашу возлагают задачу найти солтатора (soltator), который через танец должен войти в контакт с этим камнем и... Какие же цели ставит перед собой чета — ин-

теллектуальная русская Со и разбогатевший американец Тим, — скрывающая на яхте похищенный магический чёрный камень и скрывающаяся под видом праздных богачей от исламистских преследователей, путешествующая по миру на яхте в сопровождении марихуанового аромата? Не намёк ли это на Союз-Аполло прошлого века? Или — две самые мощные ядерные державы объединились, чтобы... Впрочем, об этом пусть поразмышляет читатель, выяснив цели этой пары, статуи которых появляются у магического камня. А вот *modus vivendi* семьи и взгляды их окружения, несомненно, заслуживают внимания.

Во-первых, читатель узнаёт, что весьма продвинутые дети Со и Тима, — это на самом деле не их дети, а охрана камня, а изменяющиеся их гости — это тоже замаскированные наёмные охранники, спектр которых весьма широк. В салоне Со появляется первая в Америке архатка Кендра, «бодрая загорелая старушка с бильярдно выбритой головой и аккуратно подстриженной бородкой» и разъяснение, что «... Перед общением с персоной неопределённого гендера в woke⁵-кругах принято узнавать их персональные местоимения». И надо отдать должное остроумию Пелевина при описании внешности Кендры: «(...) так мог бы выглядеть вставший на трансгендерный путь Троцкий» (стр. 397).

Обсуждается в салоне Со и вечная тема любви. Мизогин американец Винс считает, что красивые женщины — это всегда «циничные стервы». Саша встаёт на защиту женщин: «... востребованная красивая самка ведёт себя с осаждающими её самцами цинично и равнодушно именно потому, что она понимает свою роль в мужском мире. Она нужна только как утолитель похоти. (...) Ещё научную базу подводят — мол, гормонально обусловленная женская стервозность. Извините, нет. Это гормонально обусловленная женская женственность». Со взглядами Саши соглашается даже Кендра: «Я только на женских гормонах поняла, какие мужики козлы и сволочи. Хотя уже много лет к этому времени была архатом» (стр. 419). Какой всё-таки молодец Пелевин! Как глубоко он чувствует нежную женскую душу, вынося приговор так называемому сильному полу. Но, даже став архатом, Кендра интересуется политикой. В ответ на оригинальный подарок, сделанный ей Сашей (резиновый член и наручники), она присылает ей в письме карикатуру — Пу-

⁵ **Воук** (от англ. *woke*, прошедшее время от глагола «проснуться») — политический термин происхождением из афроамериканского английского, обозначающий усиленное внимание к вопросам, касающимся социальной, расовой и половой справедливости.

тин и Эрдоган обнимаются, но за спиной каждый держит по ножу. Да, Виктору Олеговичу пронизательности не занимать!

Впрочем, и Саша хорошо понимает суть мировоззрений американцев: «...в современном прогрессивном американце русофобия — это одна из биологических жидкостей. Даже если он воук и трансгендер. Особенно если он воук и трансгендер, кстати. Потому что всем этим корпоративным анархистам и имперским сварщикам много лет объясняют по Си-эн-эн, что их фашизм — это не их фашизм, а коварно заброшенный к ним русский, а сами они белые и пушистые драг-квинз⁶» (стр. 611). О русофобии во всём окружающем мире нам, русским, приходится видеть и слышать по всем теле- и радиоканалам не то что ежедневно, а практически поминутно, хорошо, что поумневшая к тридцати годам Саша это понимает.

Из уст юного канадского еврея Лёвы из свиты Кендры, «нераскаянного тайного трамписта», читатель узнаёт и определение двоемыслия (Лёва, оказывается, читал роман «1984» Дж. Оруэлла!) — небинарного мышления, и «политику идентичностей» в современной Америке: «Западная культура универсальна и обслуживает все человеческие потребности. Она порождает и карательные операции с дронов, и протест по их поводу. (...) Но самое трогательное, что бывает — это колониальная интеллигенция, внедряющая ритуалы и заклинания левых американских активистов среди работающих за доллары туземцев — и называющая это борьбой за прогресс...». И далее: «У цветных свои интересы, у геев и лесби свои, и так далее. Считается, это как бы что-то левое и прогрессивное, потому что чёрные, ЛГБТ, Демократическая партия. На самом деле это просто способ ввести в Америке кастовую систему — как в Древней Индии. Разделяй и властвуй. (...) Ты можешь не понимать, кто ты. Твоя подлинная идентичность известна только ребятам из Гугла. Ну, ещё из Агентства национальной безопасности». (Стр. 427–428). Как говорится, не в бровь, а в глаз — просто, открыто, популярно и главное — доступно для понимания широким народным массам. А вот ответ на вопрос, только ли в США это такое двоемыслие, ответ, увы! не только прозрачен, но скорее однозначен.

Не может Пелевин не поиздеваться и над животрепещущей проблемой — «какой лучше», — поскольку встреча с обрезан-

⁶ **Драг-квин** (англ. Drag queen, от drag: мужская одежда, надеваемая женщиной, или женская одежда, надеваемая мужчиной, queen — королева) — сленговое выражение, используемое для обозначения артистов (обычно мужского пола), использующих женские образы, переодеваясь в женскую одежду. *Интернет*.

ным Лёвой была первой в жизни Саши и давала теперь ей право принять участие в «Великом Транскультурном Дебате» (стр. 429). Не обходит вниманием В. Пелевин и последний остаток революционного духа — Кубу, где героиня встречается с лесбиянкой Наоми, которой (кстати шлюхе) предназначено быть солдатом и решить извечный спор между Со и Тимом (читай Софией и Христом) о том, что же всё-таки сделать с миром, разрушить его или... Прочтите сами эти любопытные страницы в жанре хоррор. Только не пугайтесь: В. Пелевин со свойственным ему саркастическим видением мира всё-таки не позволит читателю дрожать от страха на последних страницах романа, а заставит его улыбнуться, иронически закончив роман хэппи-эндом.

При этом Пелевин верен себе в неискоренимой любви к женщине: «Непобедимое солнце нашего мира (...) Это женщина. (...) Мы все спасаем ваш мир. Спасаем его каждый день» (стр. 699–700).

Вот только следующее утверждение настораживает: «И если время от времени мы начинаем светить не озверевшему патриархату, мы имеем на это полное и неоспоримое право». Виктор Олегович! Кто это «мы»? У вас действительно такие широкие взгляды? Или вы просто ...

P.S.: Под занавес неизбывный вопрос о конце света — «легенда про Армагеддон, последнюю битву где-то на Ближнем Востоке. А у Путина есть духовник — и чёрт знает, что попы ему нашёптывают. Хочется надеяться, что у них там нормальный бизнес — ну а вдруг они правда в бога верят? (Мои аплодисменты Виктору Олеговичу — Т.Л.) (...) Нам ведь всего не говорят. Только иногда намекают, что мы, значит, будем мучениками, а партнёры просто так подохнут. Дедушка старый. Ему всё равно. И не в одном дедушке дело. Свои тараканы у турков, свои у американских евангелистов — они ведь тоже Израиль поддерживают не потому, что евреев любят, а потому, что у них в священной документации что-то такое сказано... А уж какие у евреев тараканы после двадцатого века, даже говорить не надо.

Как можно вообще подпускать к ядерной кнопке последователей авраамических религий, которые возлюбили Господа и в рай хотят?» (стр. 611–612). Трудно не согласиться с автором относительно адептов авраамических религий — нельзя их подпускать к ядерной кнопке. А если это буддизм, синтоизм и т. д., тогда можно? Вопрос спорный.